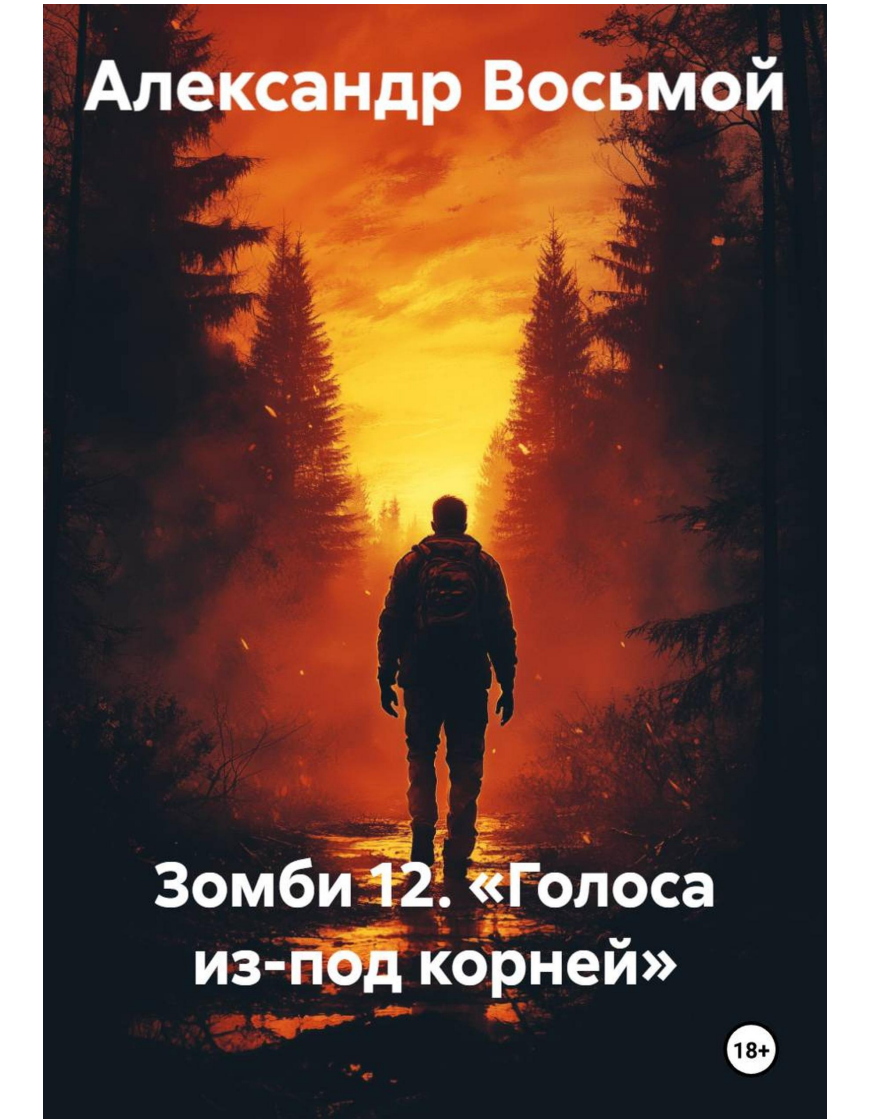

The background image is a dramatic scene of a person in a dark, tactical suit with a backpack, walking away from the viewer down a narrow forest path. The path is flanked by tall, dark evergreen trees. At the end of the path, a brilliant, intense orange and yellow light emanates, resembling a massive fire or a low sun setting, creating a strong silhouette effect on the person and the surrounding foliage. The overall atmosphere is ominous and suspenseful.

Александр Восьмой

**Зомби 12. «Голоса
из-под корней»**

18+

Александр Восьмой Зомби 12. «Голоса из-под корней»

<https://litres.ru/74467347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под древним лесом, где корни сплетаются в лабиринты, спит нечто старое и голодное. Группа искателей надеется найти легендарный клад, но вместо золота находит каменные колодцы, из которых доносятся шёпоты на забытом языке. Каждый, кто слышит эти голоса, начинает видеть сны о собственной смерти — и эти сны сбываются, если человек пытается рассказать о них вслух. Здесь сказка — в образе леса как живого существа и в древних легендах о хранителях, а ужас строится на неотвратимости проклятия и невозможности спастись, просто убежав. Конверсия держится на чувстве обречённости и на том, как быстро рушатся планы героев перед лицом древней силы.

Александр Восьмой

Зомби 12. «Голоса из-под корней»

Глава 1. Тропа, которую стёрли с карт

Карта лежала в сундуке, будто вырезанная из самой тьмы: береста потемнела до цвета запёкшейся крови, а линии на ней шевелились, если смотреть краем глаза. Искатели нашли её среди хлама в заброшенной сторожке — и не успели толком разобрать символы, как пальцы у всех троих покрылись тонкой коркой, словно от инея, только этот иней не таял.

Лес начинался сразу за оврагом — и не просто начинался, а набрасывался. Тени между деревьями были гуще самой ночи, и воздух там пах не хвоей и сырой землёй, а чем-то старым, давно похороненным и вдруг вспомнившим, что оно ещё живо. Местные старухи не зря крестились и замолкали: этот лес не значился ни на одной карте, потому что его вычеркнули не чернилами — его вытравили из памяти мира.

Тропа за их спинами исчезла не постепенно, не под натиском бурьяна и корней. Она просто перестала быть — как стирают линию с доски, не оставляя даже следа мела. Ещё шаг — и позади уже не было ни тропинки, ни оврага, ни сторожки, ни мира, который они знали. Только лес, который смотрел на них тысячами невидимых глаз.

У первого каменного колодца голос пришёл сам — не из глубины, а изнутри. Он шептал на языке, которого никто из них не учил, но каждый понял. Слова ложились на мысли, как ледяные иглы, и в тот же миг перед глазами у каждого вспыхнул короткий, беспощадно чёткий сон: своя смерть, до последней детали.

— Не рассказывай, — хрипло бросил старший из искателей, увидев, как у молодого дрожат губы, будто тот уже готов выложить всё, что увидел. — Ни слова. Ни нам, ни себе.

Но молодой уже открыл рот. И как только с его губ сорвалось первое слово о сне, в темноте между деревьями что-то шевельнулось — и это «что-то» было голодным. Очень голодным. И очень древним.

Тропа исчезла. Карты лгали. А лес ждал.

Глава 2. Лес, который дышит

Тропа оборвалась там, где деревья перестали быть деревьями. Они сплелись плечами, грудью, шеями — будто в древнем хороводе, который застыл на полудвижении. Корни, толстые, как спины спящих зверей, уходили вниз, образуя тёмные туннели, из которых тянуло не землёй, а чем-то тёплым и живым — как из приоткрытой двери в чужую спальню посреди ночи.

Воздух здесь был густым, липким, он оседал на коже каплями влаги, и казалось, что лес не просто дышит — он пробует их на вкус. Путники переглянулись, но никто не решил-

ся сказать вслух то, что все уже поняли: они не идут сквозь лес — они уже внутри него.

Старший из искателей, тот, что привык доверять только топору и компасу, вдруг замер у ствола, прижал ладонь к поверхности — и отдёргнул, будто обжёгся. Кора не была корой. Это была кожа: грубая, в складках, с прожилками, похожими на вены. Она чуть вздрагивала под пальцами, будто сдерживала вздох.

— Тихо, — прошептал он, хотя никто и не думал говорить. — Слушайте.

Молодой, тот самый, что вчера успел рассказать свой сон и с тех пор не поднимал глаз, прижался ухом к стволу. И застыл. Лицо его побелело, как мел, а зрачки расширились так, что почти съели радужку.

— Что ты слышишь? — хрипло спросил старший, хотя сам уже знал: лучше не знать.

Молодой не ответил. Он только медленно покачал головой, а потом вдруг схватился за виски, будто пытался удерживать мысли, которые расплзались, как дым.

Ритм был там, внутри дерева. Не стук, не треск, не шелест — а ровный, тяжёлый пульс. Будто под корой-кожей билось сердце. Огромное. Чужое. И оно не просто жило — оно ждало.

А потом лес вздохнул. Не ветром, не шорохом листвы — всем телом. Ветви качнулись не от сквозняка, а как будто кто-то глубоко внутри потянулся после долгого сна. И в этом

движении было что-то знакомое — как будто тело, которое помнит, как ходить, даже если ноги уже не те.

Где-то в глубине лабиринта корней что-то зашевелилось. Что-то, что давно не двигалось — и теперь вспомнило, как это делается.

Путники стояли, прижавшись друг к другу плечами, и молчали. Потому что знали: если сейчас кто-то заговорит — лес услышит. И ответит.

Глава 3. Те, кто остался стоять

Чем глубже они уходили в чащу, тем меньше лес походил на место, где растут деревья, и всё больше — на зал забытого храма, где вместо колонн стояли фигуры. Они замерли в разных позах: кто-то будто хотел шагнуть вперёд и застыл на полудвижении, кто-то склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то под землёй, а кто-то стоял прямо, с поднятой рукой, будто приказывал лесу остановиться — и лес послушался.

Сначала фигуры казались статуями — грубо вытесанными из камня, покрытыми мхом и коркой старых грибов. Потом — мумиями: сквозь лохмотья ткани проглядывали иссохшие кости, обтянутые пергаментной кожей. Но когда луч тусклого света скользнул по лицу одной из фигур, молодой искатель тихо охнул и попятился.

У фигуры открылись глаза.

Не живые — в них не было ни тепла, ни любопытства, ни

даже боли. И не мёртвые — потому что мёртвые не следят. Эти глаза смотрели так, будто видели не путников, а время: как оно течёт, как ломается, как рассыпается на осколки.

— Не шевелитесь, — прошептал старший, и голос его дрогнул, чего раньше никогда не случалось. — Не зовите. Не бегите.

Но бежать уже было некуда. Вокруг стояли десятки таких фигур — и, возможно, сотни. Лес не убивал тех, кто заходил слишком далеко. Он их хранил. Превращал в стражей, в памятники собственной жадности, в напоминание: здесь нельзя хотеть. Нельзя надеяться. Нельзя мечтать о кладе.

Одна из фигур медленно повернула голову. Хрустнули сухие позвонки — звук был такой, будто кто-то переломил старую ветку, но в этом хрусте слышался смысл, как в слове, произнесённом на забытом языке. Взгляд скользнул по лицам искателей, задержался на молодом — и в этом взгляде не было ненависти. Только бесконечная, ледяная усталость от вечного стояния.

И тут молодой вспомнил свой сон. Тот самый, который он успел рассказать вслух. Сон, где он стоит вот так же — неподвижно, пока мох прорастает сквозь пальцы, а грибы оплетают лодыжки. Сон, который теперь не был сном.

Старший рванул его за рукав, потянул назад, в тень, где фигуры ещё не успели заметить движение. Но лес уже всё видел. Он не спешил. Он умел ждать. И он знал: теперь среди стоящих будет ещё один. Рано или поздно.

Тишина в чаще стала густой, почти осязаемой — как смола, которая застывает на коже и не даёт дышать. Искатели стояли, прижавшись друг к другу, и молчали. Потому что поняли: лес не просто хранит. Он собирает коллекцию. И сегодня он выбрал новых экспонатов.

Глава 4. Каменные колодцы

На третий день тропа не привела их к кладу — она просто оборвалась, будто кто-то аккуратно перерезал её ножом. Впереди лежала поляна, круглая, как дно огромной чаши, и по её краю, точно стражи, стояли старые вязы — скрюченные, с ветвями, похожими на когти. А в центре, словно чёрные зубы, торчали семь колодцев.

Они были сложены из камня, который не отражал свет, а поглощал его. Чёрный, тяжёлый, будто вырезанный из самой тьмы. Края колодцев были гладкими, но не от работы резчика — от времени, которое сточило их до маслянистой гладкости. Из глубин поднимался тёплый воздух — густой, пахнущий сырой землёй и железом, будто кто-то только что вонзил клинок в сердце леса и оставил там.

И шёпот.

Он не складывался в слова, но проникал под кожу, как холод. Это был ритм — медленный, тягучий, похожий на колыбельную, которую поют не детям, а мёртвым. Язык был чужим, невозможным, таким, какого не бывает ни в одном мире, но каждый слышал в нём что-то своё. Что-то знакомое

до дрожи.

— Не подходите, — хрипло сказал старший, но молодой уже шагнул вперёд. Его тянуло туда, как тянет к открытому окну в морозную ночь — не потому что хочется, а потому что нельзя остановиться.

Он наклонился над краем колодца, взгляделся в черноту, где не было ни дна, ни отражения, ни даже намёка на свет. И в тот миг, когда его тень упала внутрь, шёпот изменился. Ритм сбился, стал чётче, ближе, и из глубины прозвучало одно слово.

Его имя.

Не так, как его звали дома. Не так, как окликали друзья. А так, как называли его в том сне — том самом, который он однажды рассказал вслух и с тех пор старался не вспоминать. Имя прозвучало с привкусом пепла и старой крови, будто его выплюнули вместе с чем-то давно забытым.

Молодой отшатнулся, но было поздно. Шёпот уже скользнул внутрь, осел в груди, как тяжесть, которую не стряхнуть. Он схватился за голову, будто хотел удержать мысли, но они рассыпались, уступая место картине: он снова видел тот сон. Только теперь он не был сном — он был обещанием.

Старший рванулся к нему, схватил за плечи, встряхнул, но в глазах молодого уже стояла пустота — та самая, которая бывает у тех, кто услышал свой приговор и понял, что обжалования не будет.

— Молчи, — прошипел старший, глядя ему прямо в гла-

за, будто пытался вытолкнуть оттуда этот шёпот силой воли. — Ни слова. Даже не думай повторять.

Но молодой уже открыл рот. Не чтобы рассказать — чтобы закричать. И как только воздух сорвался с его губ, колодцы отозвались. Из всех семи одновременно поднялся низкий, вибрирующий звук — не голос, не стон, а что-то древнее, что жило здесь задолго до людей и переживёт их всех.

Поляна дрогнула. Вязы склонили ветви, будто кланялись чему-то, что поднималось снизу. Земля под ногами стала мягкой, податливой, как воск. И где-то в глубине лабиринта корней что-то шевельнулось — то самое старое и голодное, что ждало своего часа.

Оно просыпалось.

Искатели стояли на поляне, окружённые чёрными колодцами, и понимали: клад был здесь всё это время. Только это было не золото. Это была память леса — и он не собирался её отдавать.

Глава 5. Первый сон

Ночь легла на лес, как тяжёлое одеяло, пропитанное сыростью и чужой памятью. Лена, лучшая следопытка группы, спала у едва тлеющих углей, прижав колени к груди, будто пыталась удержать внутри себя тепло, которое лес упорно вытягивал по капле. Остальные дремали вполглаза — никто здесь не верил в безопасный сон.

А потом ей приснился колодец.

Она стояла в нём по пояс в чёрной воде — не холодной, не тёплой, а мёртвой, такой, в которой не отражается небо и не живёт рыба. Сверху, медленно, с тяжёлым, неотвратимым скрипом, опускалась каменная крышка. Лена хотела закричать, рвануться вверх, вцепиться в край, но тело не слушалось — оно будто уже стало частью этого места, частью камня и воды, частью тишины, которая поглощает голоса. Крышка опускалась сантиметр за сантиметром, отрезая свет, отрезая воздух, отрезая саму возможность быть услышанной. И когда щель между камнем и краем стала шириной с палец, Лена закричала.

Проснувшись она с этим криком на губах — резким, настоящим, вытолкнувшим её из сна, как из воды. Глаза распахнулись, руки судорожно вцепились в землю, будто она всё ещё пыталась выбраться. Вокруг — угли, тени, лица товарищей, встревоженные, но ещё спокойные, ещё не знающие, что всё уже началось.

— Мне снился колодец, — выдохнула Лена, глядя на своего ближайшего друга, на того, кому доверяла больше всех. — Я стояла в воде, а сверху опускалась крышка. Она почти закрыла меня. Я не могла пошевелиться...

Он хотел остановить её, хотел схватить за руку, за плечо, прижать к себе и шепнуть: «Не говори. Не надо». Но он не успел. Слова уже вылетели, повисли в воздухе, тяжёлые и липкие, как смола, и лес их услышал.

Лена всхлипнула, уткнулась ему в плечо, и на мгновение

показалось, что худшее позади — это просто сон, просто усталость, просто нервы, натянутые до предела. Но в глубине леса что-то щёлкнуло — тихо, почти нежно, как защёлкивается замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.